

Тем временем правители прибывших с визитом городов-государств заключили соглашение с Освальдом. С одной стороны, Королевство Золотого Льва обязывалось предоставить им достаточно питьевой воды и помочь избавиться от окаменяющей чумы. С другой стороны, эти города-государства вступали в союз с Королевством Золотого Льва, беря в кольцо Страну Северного Нефрита, которая безраздельно правила в этих землях последние семьсот лет.

На первый взгляд положение не казалось мрачным. По сравнению с Королевством Золотого Льва, обретшим союзников и обеспечившим покой своим жителям, положение зажатой в тиски и раздираемой внутренними и внешними неурядицами Страны Северного Нефрита выглядело куда более плачевным.

Однако Освальд оставался предельно осторожным. Пусть он и не принадлежал к расе гигантских зверолов, порой ему была присуща так называемая «звериная интуиция». Он предчувствовал, что все пойдет далеко не так гладко, как им казалось...

Он смутно ощущал какой-то подвох, но никак не мог понять, в чем именно дело.

Проливные дожди, шедшие без остановки долгое время, в последние дни внезапно утихли. По утрам теперь стояла сухая, знойная погода, и лишь ближе к вечеру с грохотом накатывала гроза. Вспышки молний то и дело озаряли город и добрую половину материка, оставляя после себя тревожное чувство зыбкости.

В тот день, когда у Кевина начали нарастать плоть и кожа, вечерняя гроза так и не разразилась.

Погода словно капризничала: тучи рассеялись, и дождей не было много дней подряд.

Как только руки Кевина полностью восстановились, он перебрался из внутренних покоев Висячего замка обратно в лагерь Бронзовой армии, где возобновил ежедневные тренировки с солдатами и Маленьким Львом Баном.

Так прошло полмесяца, пока из Палаты жрецов на стол Освальда наконец не легло срочное донесение. На нем красовалась всего одна строчка: «Сезон дождей завершился раньше срока. В западной пустыне творится нечто странное. Просим Ваше Величество лично прибыть на смотровую площадку обсерватории».

Когда пришло это послание, Кевин как раз явился с очередным докладом. Не успел он толком разобраться, в чем дело, как Освальд увлек его за собой на гиппогрифа. Миновав длинную канатную дорогу, они устремились напрямик к смотовской площадке на самой вершине Палаты жрецов.

Стоило им войти, как оба застыли в изумлении от представшей перед ними картины.

Старый жрец, ведавший всеми основными делами, беспорядочно метался вдоль края смотровой площадки и непрестанно что-то бормотал себе под нос. Время от времени он срывался на крик. Выглядел он совершенно безумным.

Двое молодых жрецов безуспешно пытались его удержать, отчего сами выглядели крайне взъерошенными и растерянными.

— Что здесь происходит? Вы позвали меня ради этого зрелища? — Освальд не сразу понял, как реагировать на происходящее.

— Нет-нет, Ваше Величество! — торопливо ответил один из молодых жрецов. — Жрец Могли отправил вам донесение, а после снова склонился над краем площадки. Мы не знаем, что он там увидел, но он внезапно лишился рассудка.

— Где именно? — нахмурился Освальд.

— Вот здесь, — молодой жрец указал на черную чашу с водой у самого края обрыва. — С южной стороны. Но сколько мы ни вглядывались, ничего не смогли разобрать.

На смотровой площадке Палаты жрецов по четырем сторонам света были установлены чаши из черного камня, наполненные водой. На их дне виднелись темные прожилки трещин. На первый взгляд они казались хаотичными, но при детальном рассмотрении в них угадывался скрытый смысл. В местах пересечения трещин мерцали золотистые вкрапления разных размеров. Издалека этот узор напоминал причудливую карту звездного неба.

Освальд подошел к южной чаше и заглянул внутрь. Вода в ней оставалась гладкой и неподвижной, не выдавая никаких знаков.

Задумавшись, он нахмурился и спросил:

— Так о каком странном явлении говорилось в донесении?

Молодой жрец указал на западную чашу:

— Вот тут. Знак еще виден, но уже угасает.

Освальд подошел ближе и склонился над чашей. В правом верхнем углу ее черного каменного дна виднелся размытый серый узор, похожий на скопление пыли, который постепенно растворялся в воде.

— Что это за узор? — Освальду показалось, что очертания отдаленно напоминают человеческое лицо, но линии были слишком блеклыми и искаженными, чтобы утверждать наверняка.

Жрец указал на плотное скопление линий в центре узора:

— Изначально здесь был круглый тотем, но сейчас его уже почти не различить.

— Какой тотем? — спросил Освальд.

— Феникс, Ваше Величество. Феникс, который служит символом Бога Света Фаэ.

Кевин резко вскинул голову:

— Как такое возможно?..

Освальд и оба жреца разом обернулись на него.

Кевин еще какое-то время заворуженно смотрел на темную воду и, лишь заметив направленные на него взгляды, недоуменно спросил:

— Чего вы на меня уставились?

— Ты слишком бурно отреагировал, — озадаченно произнес Освальд. — Словно поражен до

глубины души.

Кевин посмотрел на него с еще большим недоумением:

— Эпоха Древних Богов давно миновала, а сам Фаэ покоится в земле уже бог знает сколько веков. И тут внезапно появляется его тотем. По-твоему, этому не стоит удивляться?

— Стоит. Но тебе обычно даже лень уголки губ приподнять, а тут такие эмоции на лице. Никогда тебя таким не видел, — заметил Освальд.

Кевин фыркнул:

— Нашел время разглядывать мою мимику.

В его словах было зерно истины. Освальд бросил на него еще один взгляд, но развивать тему не стал. Он повернулся к жрецам:

— И как же вы истолковываете появление тотема Фаэ?

Эти четыре черные чаши находились на смотровой площадке с незапамятных времен, возможно, еще с момента основания Королевства Золотого Льва. Любое изменение в них таило глубокий смысл. Жрецов древности именовали «вестниками, способными улавливать знамения». Среди народа Она они были теми редкими единицами, кто еще хранил в себе «частицу божественного присутствия».

Выдающиеся жрецы по одним лишь колебаниям воды в этих чашах могли предвидеть грядущее, что играло ключевую роль в управлении государством. Неудивительно, что их сан считался священным и давал огромную власть.

Однако шло время. Чем дальше эпоха уходила от времен богов, тем слабее становился дар жрецов — каждое новое поколение уступало предыдущему. О том, чтобы проникать во все тайны мироздания, не шло и речи; великой удачей считалось хотя бы примерно истолковать знаки.

И все же, какими бы скудными ни были познания нынешних служителей, без них обойтись не могли: непосвященный человек не разглядел бы в чашах ничего, кроме мутной воды.

— Знак указывает на то, что в западных пустынных землях обнаружены следы Бога Света Фаэ. Если точнее — где-то в районе Старого замка Роз, — ответил один из жрецов. — Пока рассудок не покинул жреца Могли, он пришел к тем же выводам.

Освальд предостерегающе поднял руку:

— Погодите. Под «следами» можно понимать все что угодно. Объясните точнее, о чем речь? О каком-то послании, знамении или?..

Служитель заговорил упавшим, странным голосом:

— Как бы трудно ни было в это поверить... мы полагаем, что это следы физического присутствия Бога Света Фаэ. Иными словами, он лично являлся в окрестностях Старого замка Роз.

Кевин промолчал.

Освальд тоже лишился дара речи.

На сей раз изумление Кевина померкло на фоне лица самого Освальда, который едва удерживал самообладание.

В первое мгновение ему до безумия захотелось рякнуть: «Вы что, еще не протрезвели? Если не проснулись, живо идите спать, что за бред вы тут несете?!»

Однако, вовремя сдержавшись, он проглотил вертевшие на языке слова.

Над смотровой площадкой повисла мертвая тишина. Даже старый жрец Могли, до этого неистово буйнивший в стороне, внезапно притих.

Сжавшись в углу, он уставился на пятно грязи на каменной колонне так пристально, что его глаза почти сошлись к переносице. Вдруг он тихо забормотал:

— Вернулся... Он снова вернулся...

Повторив это несколько раз загробным голосом, Могли внезапно вздрогнул всем телом. Равнодушная маска на его лице сменилась гримасой ужаса. Вжимаясь в стену из последних сил, он отчаянно закричал:

— Я жить хочу! Жить!.. О солнце, не садись!

Эта безумная вспышка окончательно разрушила безмолвие. Освальд наконец справился с потрясением и, сощурив глаза, посмотрел на молодых жрецов.

Ополоумевший Могли все не унимался, привлекая к себе внимание. Побормотав еще немного под нос, он вдруг ухватился за каменные перила и поднялся на ноги. Смерив присутствующих высокомерным, ледяным взглядом, он указал на каждого по очереди, пока его взор не остановился на Освальде и Кевине.

— На колени! — громогласно приказал он.

Присутствующие онемели от изумления.

<http://bllate.org/book/18285/1753229>